

СОДЕРЖАНИЕ

Луна над горой	3
Мастер	14
Отрок по прозвищу Бык.	25
Приносящая беду.	34
Переменчивая луна.	44
Ученик	61
Ли Лин	109
Перерождение Уцзина.	171
О различиях между нами	203

ЛУНА НАД ГОРОЙ

Ли Чжэн* родом из Лунси отличался большими талантами и ученостью; в последний год эпохи Тяньбао**, будучи еще совсем молодым человеком, он успешно сдал экзамены и был назначен чиновником в Цзяннань, что на юге, в нижнем течении реки Янцзы. Но, по натуре упорный, он метил высоко и не собирался довольствоваться местом скромного служащего. Вскоре Ли Чжэн ушел со службы, вернулся в родные места — провинцию Голюэ — и, затворившись от мира, посвятил себя стихосложению: вместо того, чтобы вечно гнуть спину перед самодурами-начальниками, он думал прославиться как поэт, чье имя будут помнить и через сто лет после смерти. Поэту, однако, не так легко добиться известности, и в скором времени Ли Чжэн уже едва сводил концы с концами. Постепенно в душе у него поселились горечь и досада, что наложило печать и на его облик: лицо ожесточилось

* В основе рассказа лежит китайская новелла эпохи Тан, входившая в сборник «Сюань ши чжи» (IX в. н. э.) (*Здесь и далее — прим. перев.*)

** 756 г. н. э.

и осунулось, и только глаза горели странным огнем. Теперь никто не узнал бы в нем того красивого, румяного юношу, который когда-то одним из лучших сдал государственные экзамены.

Прошло несколько лет, и Ли Чжэн, не в силах более выносить нужду, решил поступиться принципами: чтобы жена и дети не ходили раздетыми и голодными, он вернулся на службу. Снискать признание как поэт он к тому времени почти отчаялся. Его прежние товарищи по учебе успели занять высокие посты, и то, что ему, подававшему прежде такие большие надежды, приходилось кланяться тем, кого он считал бездарностями, чрезвычайно уязвляло его самолюбие. Ли Чжэн совсем пал духом; ему было все труднее смирять порывы ярости. Минул год, и Ли Чжэн, отправившись в поездку по служебной надобности и заночевав на постоялом дворе у реки Жушуй, окончательно обезумел. Однажды ночью он, изменившись в лице, вдруг вскочил с постели, с невнятным криком бросился вниз по лестнице и скрылся в темноте. На постоялый двор он не вернулся — и, сколько его ни искали в полях и горах, найти беглеца так и не удалось. Никто не знал, что с ним случилось.

На следующий год императорский ревизор Юань Цань из уезда Чэнь получил высочайшее предписание отправиться в Линнань. По дороге он заночевал в Шаньюй. Утром он собирался выехать затемно, как вдруг хозяин постоялого двора сообщил: на дороге засел тигр-людоед, и пройти мимо него можно только днем, когда будет светло. И раз час еще совсем ранний, то отчего бы не подождать немного?

Однако Юань Цань, который путешествовал в сопровождении большой свиты, решил ехать, несмотря на предупреждение. Путники отправились в дорогу под бледной луной; когда они пересекали лесную поляну, из кустов выскочил тигр. Казалось, он готов был броситься на Юань Цаня — как вдруг развернулся и скрылся в кустах. Затем оттуда послышался человеческий голос, повторявший: «Беда, беда, едва не стряслась беда...» Голос был Юань Цаню знаком — даже тогда, потрясенный случившимся, он узнал говорящего и воскликнул: «Неужели это старина Ли Чжэн?» Юань Цань сдал экзамены в том же году и считался самым близким другом нелюдимого Ли Чжэна: мягкий характер Юань Цаня позволял ему уживаться с требовательным и заносчивым приятелем.

Какое-то время из кустов никто не отвечал — только слышались тихие звуки, похожие на всхлипывания. Наконец негромкий голос произнес:

— Да, я Ли Чжэн из Лунси.

Юань Цань, забыв о страхе, спешил к кустам, надеясь увидеть приятеля, с которым так давно не встречался. Но Ли Чжэн отчего-то не спешил ему навстречу.

— Теперь я выгляжу совсем иначе, — произнес голос. — И как я могу забыть стыд и предстать перед старым знакомым в столь позорном обличье? Да и ты, решишь ли это сделать, почувствуешь страх и отвращение. И все же, встретив тебя так неожиданно, я близок к тому, чтобы переступить через стыд, — до того я стосковался. Не согласишься ли и ты забыть ненадолго о том, что перед тобой чудовище, и пого-

ворить со стариной Ли Чжэном, как в прежние времена?

Позже Юань Цань и сам удивлялся, отчего воспринял это необычайное происшествие так невозмутимо, но в ту минуту ничто не вызвало у него сомнений. Приказав своим приближенным оставаться на месте, он подошел к зарослям и вступил в разговор с невидимым собеседником. Как и полагается давним приятелям, они обсудили столичные сплетни, судьбу старых знакомых, высокий пост Юань Цаня — Ли Чжэн выразил свои поздравления. В конце концов Юань Цань спросил, как Ли Чжэн оказался в таком положении. Вот что поведал ему голос из зарослей:

— Около года назад я ехал по делам и заночевал на постоялом дворе на берегу реки Жушуй. Среди ночи я проснулся: из-за двери кто-то звал меня по имени. Я вышел на улицу. Голос вновь и вновь призывал меня в темноту, и я бездумно последовал за ним. В беспамятстве я бежал, не видя дороги, — и в какой-то момент оказался в лесу на склоне горы. Пробираясь дальше, я цеплялся обеими руками за землю. Тело мое наполнилось неведомой прежде силой, и мне легко было перепрыгивать через попадающиеся на пути валуны. Ладони и локти стали покрываться шерстью. Когда рассвело, я взглянул на свое отражение в ручье — и увидел тигра. Сперва я не поверил своим глазам. Быть может, я сплю? Случалось, я и раньше понимал во сне: мне все пригрезилось. Осознав, что это не сон, я растерялся. Затем меня охватил страх: неужто на свете и впрямь возможно все? Но почему так случилось? Я не мог

понять. Выходит, мы ничего не знаем о мире, а наша доля — безропотно принимать перемены и продолжать жить, не ведая, что стало им причиной.

В тот момент я подумал о смерти. Но стоило мне увидеть пробежавшего мимо кролика, как во мне не осталось ничего человеческого. Когда я очнулся, вокруг была разбросана шерсть, а рот мой был измазан кроличьей кровью. Я впервые испытал, что значит быть тигром. Что я делал с тех пор — о том говорить я не в силах. Каждый день на несколько часов я становлюсь человеком. В такие моменты ко мне возвращается дар речи, я могу думать о сложных вещах и даже цитировать на память труды мудрецов. Тогда, понимая человеческим сердцем последствия тигриной жестокости и думая о своей судьбе, я вижу, как жалок, и чувствую страх и ярость. Но и эти часы становятся все короче. До сих пор я задавался вопросом, почему стал тигром, а недавно поймал себя на мысли: а почему я был человеком? Вот что меня по-настоящему пугает. Пройдет еще немного времени, и человеческий разум во мне навеки угаснет, а на смену ему придут звериные привычки, — так пески постепенно заносят фундамент древнего дворца. В конце концов я забуду свое прошлое и стану бродить по лесам в обличье тигра — а повстречавшись случайно с тобой, не узнаю старинного друга и без всяких сожалений разорву на части...

Полагаю, и люди, и звери — все жили когда-то в ином обличье. Быть может, сперва мы помним об этом, а потом забываем — и считаем, что всегда были такими, как сейчас? Впрочем, не имеет значения. Наверное, окончательно перестав быть человеком,

я стану только счастливее. И все же тот, кем я пока продолжаю оставаться, боится этого больше всего на свете. О, каким ужасным, каким бесконечно печальным кажется мне такой исход — забыть о том, что был человеком! Никто не в силах понять моей тоски. Никто — если не пережил этого сам... Но раз уж нам с тобой довелось встретиться, я хотел бы попросить тебя об одном одолжении, прежде чем окончательно стану зверем...

Юань Цань и его спутники, затаив дыхание, прислушивались к голосу из зарослей, поведавшему им столь поразительную историю. Тот продолжал:

— Хочу я немногого. Прежде я мечтал прославиться как поэт — но вот где оказался, так и не достигнув своей цели. Несколько сотен стихотворений, которые я сложил, до сих пор не увидели свет. Теперь, верно, тех рукописей уже и не найдешь. Но кое-что осталось у меня в памяти. Прошу тебя, запиши эти стихи. Не то чтобы я хотел вообразить себя признанным поэтом. Но хороши они или плохи, им я посвятил свою жизнь, растратив состояние и лишившись в конце концов рассудка. Мне будет горько умереть, зная, что ни одной моей строчки не сохранилось для будущих поколений.

Юань Цань велел одному из приближенных взять кисть и записывать. Голос Ли Чжэна разносился в воздухе ясно и четко. Он прочитал тридцать стихотворений, длинных и коротких. Каждое отличалось изяществом слога и красотой замысла — сразу было понятно, что писал их человек незаурядного таланта. И все же Юань Цань, отдавая им должное, смутно чувствовал: несмотря на все их достоинства,

стихам не хватает чего-то неуловимого, чтобы их можно было счесть по-настоящему гениальными.

Тем временем Ли Чжэн, закончив читать, неожиданно заговорил другим тоном, будто насмехаясь сам над собой:

— Как ни постыдно мне признаваться — а ведь даже сейчас, когда пребываю в этом чудовищном облике, мне по-прежнему снится порой, будто собрание моих стихов лежит на столе у какого-нибудь ученого мужа в Чанъане. Вот что грезится мне в моем каменном логове! Посмейся надо мной — жалким человеком, который напрасно мечтал стать поэтом, а вместо этого превратился в тигра!

Юань Цань вспомнил, что и в молодости Ли Чжэн был склонен во всеуслышание предаваться самоуничижению, и на сердце у него стало печально.

— Добавлю, пожалуй, поводов посмеяться, — продолжал его друг, — и сложу небольшой экспромт о том, что чувствую сейчас. Попробую доказать, что прежний Ли Чжэн еще жив в этом теле.

Юань Цань вновь приказал спутнику записывать. Вот каковы были стихи:

Только мечтой ведомы, а не тревогой,
Шли мы когда-то с другом одной дорогой.
Я, возмнив, что путь отыщу кратчайший,
С торной сойдя тропы, очутился в чаще.
Друг мой достиг почета, живет богато,
Я растерял и то, что имел когда-то.
Тщетно зываю ночью к луне над пиком —
Песни мои обернулись звериным рыком.

Лунный свет уже совсем побледнел, а землю покрыли блестки росы; гулявший меж деревьями про-

хладный ветер говорил о том, что рассвет близок. Все присутствовавшие успели забыть о странности происходящего и искренне сокрушались о несчастной доле поэта. Ли Чжэн продолжал:

— Я сказал, что не знаю, почему меня постигла такая участь, но если подумать, то это неправда. Причины мне известны. Когда я был человеком, я старательно избегал других людей. Меня называли заносчивым и высокомерным. Никто не понимал, что причина такого поведения — в моей застенчивости. Конечно, я гордился тем, что на родине мне прочат большое будущее. Но то была гордость, смешанная с робостью. Так же и с поэзией: я мечтал прославиться, но никогда не пытался ни найти учителя, ни сойтись ближе с другими поэтами, чтобы отточить свое мастерство. Но и признать себя человеком обычным, не наделенным великим даром, тоже было ниже моего достоинства. И вновь — причина крылась в той самой робкой гордости и высокомерной застенчивости. Я будто держал в руке неограниченный камень и боялся его огранить — вдруг он окажется пустышкой? — и в то же время не решался отбросить, как обычный кусок черепицы, лгя себе надеждой, что он все-таки драгоценный. Чем дальше, тем больше я отдалялся от мира, избегая людей; обида и страх подливали масла в огонь, а замешанная на робости гордость росла и становилась все непомернее. Говорят, каждый человек — укротитель, а зверь, которого он укрощает, — его собственная натура. В таком случае моим зверем было высокомерное самоуничижение. Подобно тигру, оно пожирало меня: мучило моих жену и детей,